

Галина Маланова

*И я когда-нибудь уйду
Туда, откуда нет возврата.
Из жизни вашей пропаду
И стану лёгкая, как вата...*

Серия
«Лучшие романы о любви»

Галина Таланова **«Бег по краю»**
Наталья Будянская **«Любовь с характером»**

Скоро!

Галина Таланова
«По волнам, по океанам»

Наталья Будянская
«Мой нелучший друг»

Галина
Маланова

Светлячки на ветру

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т16

Разработка серии *Екатерины Фerez*
Компьютерный дизайн обложки *Элины Кунтыш*

Таланова, Галина.
Т16 Светлячки на ветру / Галина Таланова. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. —
(Лучшие романы о любви).

ISBN 978-5-17-104891-4

Что такое моя любовь?..

Откуда она в моем сердце?

Неожиданно ворвалась в жизнь, занавешенную тя-
желым серым одеялом туч.

Может, это маленький светлячок пробудил ее?

Вызвал любовное томление... озарил и оживил все
вокруг.

А потом, гонимый ветром, улетел, как последний
осенний лист с голого озябшего дерева.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104891-4

© Г. Таланова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Ах, не топчи траву!
Там светляки сияли
Вчера ночной порой...*

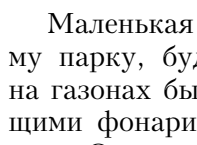
Кобаяси Исса
(начало XIX в.)

Майский цвет осыпается снегом

1

... Над южной Ривьерой стояло странное свечение. Сотни маленьких зеленоватых трассирующих огоньков парили в ночном небе, вспыхивая то ярче, то приглушённое, источая прохладное сияние. Вика застыла заворожённая. И вдруг, как по мановению дирижёрской палочки, в пыльных кронах городских подстриженных тополей зажглись сотни ответных огоньков. Фонарики в кронах деревьев будто посылали азбуку Морзе, которая неожиданно стала синхронной с сигналами светлячков, парящих над аллеей городского парка. Казалось, кто-то невидимый управляет этой волшебной светомузыкой.

Кавалеры парили теперь над кронами деревьев, мерцающих дивным светом, посылая частые и короткие сигналы своим подругам, — и те отвечали, как маяки во тьме: путь свободен.

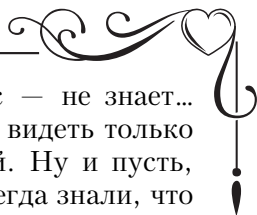

Маленькая Вика гуляла с папой по городскому парку, будто по сказочному лесу. Вся трава на газонах была усыпана маленькими пульсирующими фонариками, излучающими нежно-зелёный свет. Они шли по светящемуся ковру, словно по звёздному небу. Стволы деревьев были подсвечены миллионами маленьких прожекторов и казались театральными декорациями. Вот сейчас из-за той высокой туи вылетит маленький эльф, протягивающий ей цветик-семицветик, — и она сможет исполнить семь своих заветных желаний... Надо побыстрее решить, что же у неё самое желанное... Огненные искры плавали в чёрном пруду, словно ряска, намазанная люминесцентной краской. Зелёные огоньки кружили над тёмной водой, толкались, отражались в ней пляшущими пятнами, расцвечивая её, точно звёздочки взорванных петард. Тёплые южные сумерки, казалось, были пропитаны каким-то космическим сиянием.

— Папа, ты, как тот волшебник, привёл меня в Изумрудный город?

— Конечно. Великий волшебник Гудвин, как ты помнишь, был обычный человек, занесённый в волшебный город на воздушном шаре. Надо только, дочка, уметь быть волшебником и вовремя надуть воздушный шар, на котором можно улететь в райскую страну. И вовремя надеть на всех зелёные очки — и тогда в их жизни никогда не будет чёрно-белой зимы, а всегда будет лето, где растёт трава...

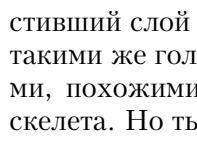
Как давно это было... А кажется, что совсем-совсем недавно... И зелёные очки она так и не научилась вовремя надевать... Только если на неё надевали их другие, более успешные, убеждённые оптимисты, отмечающие от себя всё, что заслоняет своей тенью волшебный свет. Она когда-то считала

таких людей неглубокими, а сейчас — не знает... Может, в этом и была их мудрость: видеть только зелёный свет и никогда — красный. Ну и пусть, что зелёный свет уже мигает, они всегда знали, что успеют проскочить: вылетев на перекрёсток, можно двигаться и на красный. И чем быстрее, тем лучше... Пусть другие стоят у стоп-линии... А их уже и ветер простыл... Ищи ветра в поле...

С горечью подумала: «Надо ли помнить о том июле, который давно истаял, как след реактивного самолёта в лазоревой дали, блеснувшего иголкой, нырнувшей в стог сена?» Проклятое, единственное однажды, о котором не догадываешься, когда оно есть. Всё бежим куда-то вверх, перебирая ногами, как белка в колесе, — мелькающие спицы, ступеньки эскалатора, равнодушно движущегося вниз. Сначала рано, потом некогда, затем поздно. Из каких черт, отражений и силуэтов, случайных, как растерянная улыбка, мелькнувшая в вагоне отходящего поезда, как беззаботная игра света и тени, судьба плетёт тенёта? Одна сухая травинка цепляется за другую, другая громоздится на третью. Всё связано, сцеплено, вздрагивает под розгами дождя, прижимается друг к другу в поисках тепла, шуршит, как сгорающие в огне пожелтевшие письма, колышется и переливается радужной плёнкой на мыльном пузыре.

Жизнь — стебель со множеством возможностей, которые отмирают и опадают одна за другой, как высохшие листья, разноцветными лоскутками, парящими на промозглом ветру. И вот уже ничего не остаётся от того, что могло бы быть, кроме голого корявого ствола в старческих бородавках и бляшках, в который превратился когда-то тонкий стебелёк, выстоявший на ураганном ветру и нара-

стивший слой за слоем кору. Теперь ствол ветвится такими же голыми и уже наполовину сухими ветками, похожими на косточки извлечённого из земли скелета. Но ты по-прежнему надуваешь воздушный шарик иллюзий и бежишь за ним, как за воздушным змеем, зачарованный чужим полётом, радостно размахивая руками и отрываясь от земли в лёгком беге помолодевшего тела. И вдруг чувствуешь, что шарик вырывается из твоих расслабленных иллюзией счастья пальцев. И ты видишь, как он летит прямо на эти голые ветки, ощерившиеся, как штыки. И сердце сжимается в комок мёрзлого грунта, падающего с деревянным стуком на крышку, под которой заколочена вся твоя жизнь и любовь. А душа ещё долго будет прилетать по ночам в форточку, жалобно скрипящую от ветра, скользить по лунному лучу и опускаться, как ночная бабочка, на твой лоб, тревожа качанием и трепетом ещё не забытых крыльев. Ты видишь этот уменьшающийся шарик — и понимаешь, что сейчас он будет проколот встреченной веткой. И ещё одна иллюзия лопнет, как мыльный пузырь. А если повезёт — то шарик застрянет где-то в осторожных объятиях веток и будет качаться там, как в люльке, потихоньку сдуваясь и уменьшаясь в размерах, пока не выскользнет съёжившейся резинкой и не затеряется в пёстром ковре опавшей листвы похожим на сухие листья лоскутком. А на деревьях останутся висеть чёрными обугленными листьями только вороны.

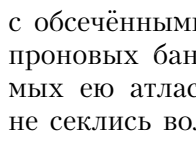
2

За окном потягивается день, небритый, опухший, смотрящий исподлобья и заливающийся слезами. Укрывшись за этими облитыми дождём ок-

нами, чувствуешь себя точно потерявшаяся лодка, которая медленно скользит по туманному океану времени, чтобы исчезнуть в нём навсегда.

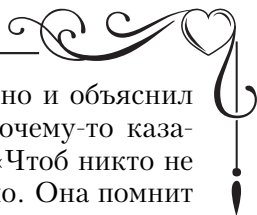
Дождь лил и лил две недели кряду... Она смотрела на струи дождя, барабанившие по листьям, словно по клавишам компьютера, и думала о том, что ход своей жизни она изменить не в силах. Было настолько сыро, что бельё не могло высохнуть неделю. Как только дождь давал себе передышку, она старалась спуститься вниз с глинистой горы и поплавать в уже по-осеннему, хотя был разгар июля, прохладной воде, но дойти до места купания было почти невозможно. Галоши тут же утопали в глине, наворачивая на себя килограммы балласта. Прыгала в холодную воду. Моментально захватывало дух, но вскоре она привыкала и могла плыть долго...

Каждый год, как только заряжали дожди и температура падала, начиналась тоска. Тоска приходила внезапно и бесповоротно. Она обнимала своими холодными ладошками, преданно заглядывала в глаза и властно брала за руку. Иногда она даже нежно целовала в темечко и гладила по волосам. Этот мелкий осенний дождь, играющий на листьях-клавишах, выводил из себя монотонностью мелодии, от которой щемило сердце. Тут же перед ней всплывали сцены из её детства, юности, молодости и последних лет из тех, когда все её близкие были здоровы и живы. Она снова испытывала вину за своё невнимание к ним. В жизни всё бежим куда-то. Сначала рано, потом некогда, потом поздно. Тогда она думала: «Это тоже скоро пройдёт. Пройдёт отпуск, пройдёт и эта морозка. Да и вся жизнь пройдёт, как её и не было. Как не было той девочки с жиденькими косицами

с обсе́ченными хвостами от вплетаемых в них капроновых бантов... Как не было и столь нелюбимых ею атласных лент, что мама купила, чтобы не секлись волосы... Как не было той толстенькой девочки, которую обстригли почти под мальчика, чтобы наконец избавиться от больных волос, — и она проплакала двое суток... Она тогда даже ночью просыпалась — и трогала мягкую щёточку своих волос, таких коротких, что ей казалось, что голова обтянута бархатной шапочкой, и всё не верила, что у неё почти нет волос. Потом мальчик из её класса, который ей очень нравился, спросил: «Что, парик теперь носить будешь?» Ей тогда хотелось провалиться сквозь пол и больше не ходить в школу вообще, пока у неё не отрастут её пусть жиденькие, но волосы, какие носят девочки.

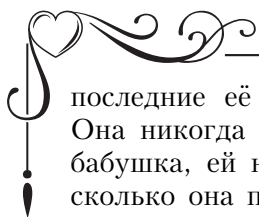
Она помнит свой детский страх, что её близкие могут исчезнуть из её жизни. Как-то её подруга, старше её на пять лет, сказала про её маму, имевшую порок сердца, обнаруженный у неё уже после замужества: «Молодая, но... В любой момент может умереть». Её тогда эти слова просто потрясли. Как это её молодая, красивая и всегда вкусно пахнущая мама может умереть? Она проплакала всю ночь, лёжа без сна. И утром, разглядывая розочки на обоях, снова со страхом летящего с крыши думала о том, что сказала ей подруга. Нет, этого просто не могло быть. Потом долго, снова и снова прокручивала услышанное, словно пускала по полу юлу, и заморожено смотрела, когда же та упадёт. Позднее она не раз прокручивала то состояние необъяснимого страха, что мамы может не быть, и даже иногда становилась на колени и молилась. Нет, она знала, конечно, что Бога нет,

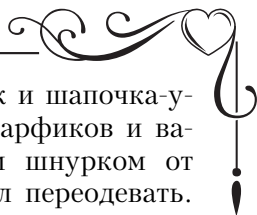
и ещё её дед это понял когда-то давно и объяснил своим детям и внукам, но вот ей почему-то казалось, что, если она произнесёт это: «Чтоб никто не умер!», то всё так и будет непременно. Она помнит это ощущение костлявыми детскими коленками холода и жёсткости деревянного пола, выглаженного до блеска масляной краской. Холода именно деревянного, а не бетонного, не кафельного, а такого лёгкого и отрезвляющего, что заставляет лишь чуть-чуть поёжиться, словно от порыва северного ветра, внезапно рванувшего полы пальто и потащившего за собой шарф, будто воздушного змея.

Повзрослев, она стала загадывать это желание на Новый год. Загадывала каждый год, торопясь произнести про себя, пока куранты отстукивают двенадцать ударов.

Она стыдилась в детстве того, что они жили благополучно. Она стеснялась того, что её укладывают днём спать, что не пускают летом с детсадом на дачу и позднее в пионерлагеря. Стыдилась того, что у них была домработница Маруся. Впрочем, домработница тоже этого стеснялась. Когда они гуляли с ней по городу, то домработница, она же няня, всегда говорила, что она её тётя. Она её так и звала, как взрослые: Маруся, хотя Маруся была даже старше её бабушки и дедушки. Маруся уже вырастила её маму, потом работала ещё у кого-то, а затем снова поселилась у них. Познакомилась с ней бабушка в войну, где в эвакуации жила с маленькими детьми и шила бельё для фронта. Своей семьи у Маруси не было, квартиры тоже не было. Бабушка встретила её как-то случайно на рынке после войны, когда дети уже подросли. Была она без работы, скиталась по хозяевам, но

последние её хозяева расторгли с ней договор. Она никогда не говорила почему... Как говорила бабушка, ей не столько нужна была помощница, сколько она пожалела Марусю. Маруся в тот же день пришла в их дом вечером с пожитками и поселилась на кухне на старинном дореволюционном зелёном сундуке, обитом незатейливым орнаментом из жести, напоминающим золотой. Маруся не только готовила, убиралась и стирала, но и сидела с маленькой Викой, жила с ней на даче всё лето, иногда до октября, пока девочка не пошла в школу. На даче няня косила траву по грудь; выращивала малюсенькие огурчики, которые называли пупсятами, и зелёные помидоры, что никогда не успевали созреть; варила варенье из зелёного крыжовника размером с мелкую сливу, отщипывая от него почерневшими ногтями хвостики, разрезая на половинки ягоды и выковыривая зёрнышки алюминиевой ложечкой от кукольного сервиза; закатывала компоты, ставя трёхлитровые кубанчики стерилизоваться в печку-прачку; полоскала бельё в мутной илистой речке с кормы лодки. Вика никогда не видела, чтобы та читала. Зато она очень любила обшивать её кукол. Ни у кого из Викиных подруг не было такого богатого кукольного гардероба. У её кукол было всё. Настоящая постель с матрасом, ватным стёганым одеялом, покрывалом из парчи и маленькой подушечкой с кружевной наволочкой. У её кукол было не только два маленьких чемодана всяких разных красивых платьиц, но и трикотажный шерстяной костюмчик из свитера и брючек, несколько носочков и вязаные туфельки, беретки, панамки и шапочка с ушками и помпоном на макушке. У неё было даже целых две настоящих, правда, из искусственного меха,

шубки, две меховые шапки: беретик и шапочка-ушанка; унты, несколько вязаных шарфиков и варежки, сцепленные друг с другом шнурком от ботинка. Вика обожала своих кукол переодевать. За всё её детство ей подарили всего двух кукол. Одна была Оксана с длинными рыжими волосами, которые можно было заплетать в настоящие косички и делать из них разные причёски, а другая — пупсик Ляля, похожая на ребёнка лет двух. Вообще эти две её куклы были у неё как дети. Она даже потом думала, что родители специально не покупали ей новых кукол, ведь детей не меняют на других. Она готовила им еду из трав и цветов, песка и камушков, кормила три раза в день из игрушечного фарфорового сервиза, укладывала спать на два часа днём, лечила их старыми просроченными таблетками, делала им перевязки и уколы, мыла в тазу, ходила с ними на прогулки, одев по погоде: зимой — в шубки, осенью — в пальто, летом — в нарядные платья.

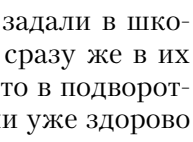
Марусю потом «выдадут замуж» за прадеда, фактически подарив ей квартиру. Получив настоящее свидетельство о браке в зелёной книжечке с гербом, Маруся отправит деда жить за шкаф, опустошит все его сберкнижки и через год счастливо его похоронит. К ним она больше не придёт никогда, а при встрече на улице будет отворачивать своё пьяное и опухшее лицо, делая вид, что она их не видит. Как-то соседка расскажет им, что она наблюдала, как грузчик надел на голову Маруси картонную коробку из-под творога, когда та что-то злобно (что — она не расслышала) ему сказала. И Маруся продолжала потом что-то кричать матерное изменившимся трубным голосом из-под коробки.

Первая любовь пришла к ней во втором классе. Объектом её любви был сосед по парте. Она скучала, если он болел и не приходил в школу. Ей очень хотелось поделиться с кем-то своей любовью. Однажды, когда они гуляли с папой тёплым весенним вечером по откосу, где небо над головой было так густо усеяно звёздами, что казалось ей чёрным бархатным куполом, усыпанным металлическими блёстками, — и почему-то завораживало её наподобие новогоднего сказочного представления, которое вёл звездочёт в такой же, как это бархатное небо, чёрной мантии, расшитой люрексом, она сказала отцу, что ей очень нравится Андрюша, боясь, что тот посмеётся. Но отец ничего не сказал. На 23-е февраля она подарила ему вырезанную на опоке и раскрашенную цветными карандашами картинку и открытку, на которой написала: «Целую». Когда её подруга спросила, зачем же она так написала, Вика просто не поняла. Она не собиралась целовать Андрюшу, но искренне думала, что все открытки так подписывают. Все открытки от бабушки и дедушки, тёти и дяди всегда были с такой подписью. А Андрюша был страшно горд, что получил открытку с таким автографом.

Когда ей подарили первую комбинацию: ярко-розовую с очень красивой гофрированной оборкой из капрона и плотным ажурным кружевом, ей очень хотелось, чтобы Андрюша увидел эту оборку, и она всё время старалась сесть за партой так, чтобы приподнять юбку скучного коричневого платья.

В третьем классе её пересадили за другую парту — и любовь рассыпалась, как пересушенный

лист, пришитый в гербарии, что им задали в школе собрать за лето. Андрюшу убьют сразу же в их первое свободное от школы лето где-то в подворотне в пьяной драке. Он к тому времени уже здорово пил. И бывшие одноклассники будут передавать друг другу эту страшную историю по телефону.

Следующей её школьной любовью станет мальчик, появившийся у них в пятом классе. Этот пришелец, очень высокий, в чёрных роговых очках, всегда в безукоризненно белой рубашке, привлёк внимание половины девочек из их класса. Она не составила исключения. Мальчик был из интеллигентной семьи, а она уже тогда чуяла таких всем своим женским нутром. Он не был отличником, но учился хорошо. Впрочем, у них вообще не было отличников. Она ловила боковым зрением его долговязую фигуру, удивляясь тому, как её некрасивая подруга, похожая на мартышку: с худыми и кривыми ногами, со сколиозным позвоночником и серым лицом, густо усыпанным зёрнышками угревой сыпи, напоминающими ей крупинки рассыпавшегося пшена, крутится вокруг юноши и даже привязывается к нему почти каждый день по дороге до дома. Подруга эта хвалилась ей, что она даже была несколько раз у него в гостях. Через три года эта подруга перемахнёт через перила девятого этажа, неуклюже взмахнёт руками и оставит у неё до конца жизни чувство вины за свою слепоту и подростковый максимализм, которые она иногда чувствовала, как песок, насыпавшийся в ботинок и натирающий через капроновый чулок нежную кожу.

Впрочем, интерес к этому самому высокому юноше их класса у неё органично сочетался с влюблённостью в другого мальчика, однажды послав-